

Честно говоря, судя по поведению Цзян Шэна, он относился к Цзян Яну действительно очень хорошо. Но именно из-за этой чрезмерной заботливости всё казалось подозрительным.

Однако Цзян Ян больше не думал об этом. Он уже понял, что в плане интриг и хитросплетений он никак не мог сравниться со своим неродным братом. Единственное, что ему оставалось, — это найти подходящий момент для побега. Ведь даже с десятью головами на плечах он не смог бы переиграть этого брата.

Хотя уже был сентябрь, солнце всё ещё палило, наполняя город Цзянцзинь знойным воздухом.

— Продаются сигареты, лучшие сигареты «Хадэмэнь»! — Мальчик, продающий сигареты, сновал туда-сюда, выкрикивая свой товар, и его взгляд случайно скользнул по автомобилю, в котором сидели Цзян Шэн и Цзян Ян, после чего он быстро удалился. — Продаются сигареты, лучшие сигареты «Хадэмэнь»!

После того как Цзян Шэн вернул Цзян Яна в дом семьи Цзян, он не стал, как обычно, часто навещать его. Напротив, сам Цзян Ян несколько раз искал встречи с братом, но, к своему удивлению, обнаружил, что Цзян Шэн ни разу не появился у него.

В этой ситуации Цзян Ян окончательно убедился: Цзян Шэн отсутствовал в доме.

Он, вероятно, лично занимался какими-то делами.

Без Цзян Шэна в доме Цзян Ян чувствовал себя невероятно свободным и счастливым. Он долго размышлял, что если он решится на побег, то, скорее всего, ему придётся обратиться за помощью к Вэнь Чжуланю.

Будь то переезд в Цзяннань или поиск укромного места, в его нынешнем положении без чьей-либо помощи всё это было бы невозможно.

Цзян Шэн давно не занимался такими опасными делами. Он перевозил партию оружия по узким тропам. Оружие прибыло с юга, и он продавал его небольшой семье с севера, которая отчаянно нуждалась в вооружении. Эта семья, хотя и небольшая, была очень богатой, и они могли платить фунтами стерлингов и долларами, что, естественно, делало сделку привлекательной для Цзян Шэна.

В те времена люди, наживавшиеся на бедствиях страны, были как песчинки на берегу моря. Цзян Шэн считал себя одной из таких песчинок — ни слишком крупной, ни слишком мелкой, и потому не испытывал никаких угрызений совести.

Он жил, как обычно: ел, спал и занимался своими делами.

Вскоре Цзян Шэн завершил эту сделку. Возможно, из-за того, что в последнее время слишком многие наживались на бедствиях, он не столкнулся ни с какими трудностями. Однако он также понимал, что вряд ли больше будет связываться с оружием. Это дело было слишком хлопотным, и если бы не невероятно высокая цена, да ещё и в долларах, он бы не рискнул.

Цзян Шэн решил, что теперь, когда он завершил все внешние дела и заработал достаточно, чтобы содержать своего часто болеющего и требующего больших расходов брата, он больше не будет рисковать. Он останется в Цзянцзине, присматривая за своим драгоценным братом, и займётся бизнесом.

Цзян Шэн вернулся домой только через семь дней. За это время Цзян Ян привык к жизни без

брата, и внезапное возвращение Цзян Шэна вызвало у него некоторое замешательство.

Цзянцзинь находился в глубине страны, и как бы ни буйствовали японцы, им было сложно добраться сюда. Максимум, что они могли, — это отправить несколько самолётов для бомбардировок, но высадиться на землю они не решались.

Цзян Шэн уже понял, что весь мир погрузился в хаос!

Когда он вернулся и спросил о Цзян Яне, то узнал, что тот спокойно оставался в своей комнате. Цзян Шэн был очень рад: его младший брат, которого он так любил, вёл себя так послушно, и это действительно было поводом для радости.

— Брат, я вернулся, обними меня, хорошо? — Увидев Цзян Яна, Цзян Шэн искренне улыбнулся.

По своей природе Цзян Ян вряд ли стал бы отвечать на такое предложение, но, видя, как его неродной брат, покрытый пылью дорог и явно не выспавшийся, стоит перед ним, он, к своему удивлению, неожиданно раскрыл объятия и обнял Цзян Шэна. В этот момент не только Цзян Шэн, но и сам Цзян Ян был поражён.

За эти годы Цзян Шэн и Цзян Ян обнимались много раз, но всегда это происходило по инициативе Цзян Шэна, порой даже насильно. Цзян Ян никогда сам не обнимал брата.

В этот момент сердце Цзян Шэна смягчилось до предела.

Это был его брат, его кровь, его самый любимый человек.

— Брат, перестань заниматься этими злодеяниями, хорошо? В конце концов, человек должен накапливать добродетель.

Цзян Шэн вздрогнул, и сладостное чувство, исходящее из глубины сердца, достигло его темени. Ян Ян назвал его братом. Он давно не слышал, чтобы его Ян Ян обращался к нему так.

— Хорошо, хорошо, больше не буду. — В любом случае он уже собирался отдохнуть.

Услышав такой быстрый ответ Цзян Шэна, Цзян Ян был удивлён и с подозрением посмотрел на него. За эти годы Цзян Шэн редко не выполнял своих обещаний, но в то же время лгал он гораздо чаще, чем говорил правду.

Цзян Шэн, увидев выражение лица брата, понял, что тот сомневается в его словах. Он мягко улыбнулся:

— Правда, я не обманываю тебя.

С этого момента отношения между Цзян Яном и Цзян Шэном постепенно начали улучшаться, что было очень радостным событием, особенно для слуг семьи Цзян. В последнее время Цзян Шэн относился к ним всё более приветливо.

В комнате Цзян Шэна:

Цзян Шэн был мастером игры в го, умея окружать противников на доске до полного поражения.

На самом деле развлечений у Цзян Шэна было мало. Помимо чтения книг, го было его единственным любимым занятием.

Цзян Ян, напротив, крайне не любил го. Он считал, что в этой игре слишком много хитросплетений, которые ему не подходили.

Цзян Шэн расставил доску для го в своей спальне.

Поскольку в комнате находились только он и его брат, который никогда не смотрел на го, Цзян Шэн мог играть только сам с собой.

Однако самое удивительное для Цзян Яна было не то, что Цзян Шэн мог играть сам с собой, а то, что даже в такой игре он действовал с осторожностью, стараясь, чтобы партия была равной.

Зачем это нужно?

Цзян Ян считал, что так жить было слишком утомительно, и в этом не было никакого смысла.

В последнее время произошло слишком много событий, таких как инцидент на озере Лютяо, которые занимали большую часть времени Цзян Шэна, и он давно не прикасался к го.

Когда управляющий Хуан вошёл к Цзян Шэну, он застал его за игрой в го.

— Старший господин, вот счета за этот месяц.

Цзян Шэн поднял голову. В последнее время управляющий Хуан очень хотел сыграть в го.

— Положите на стол.

После того как управляющий Хуан положил счета, Цзян Шэн, вопреки обыкновению, не стал сразу их просматривать, а указал на доску.

— Сыграем партию, управляющий Хуан.

— Старший господин, я плохо играю в го.

— Ничего, всего одна партия. Я давно ни с кем не играл, и мне очень хочется. К тому же играть самому с собой тоже утомительно.

Управляющий Хуан сел и начал играть с Цзян Шэном.

— Управляющий Хуан, вы отлично справились на этот раз, — сказал Цзян Шэн, продолжая игру, и достал из кармана чек, передавая его управляющему. — Поторопитесь обналичить его. В наше время ничего не может быть надёжным.

Управляющий Хуан взял чек и, увидев сумму, ахнул:

— Слушаюсь, старший господин.

Управляющий Хуан успешно перевёз несколько телег с лекарствами, которые прибыли в пункт назначения без повреждений. С приходом японцев лекарства стали невероятно дорогими.

Цзян Шэн и управляющий Хуан играли с большим энтузиазмом, но это было не из-за того, что управляющий сегодня особенно удачно играл. Он понял, что его господин просто развлекался, играя с ним.

Хотя партия казалась равной, на самом деле всё зависело от одного-двух ходов Цзян Шэна, и

управляющий Хуан оказывался в безвыходной позиции. Цзян Шэн просто слишком соскучился по игре, поэтому старался сдерживать свои ходы, чтобы партия продолжалась дольше.

Третьего числа третьего месяца:

Цзян Шэн учился уже два месяца.

Цзян Чжунюнь считал, что китайские классические книги, такие как «Четверокнижие», можно было лишь читать, но они не имели практической пользы. К тому же сейчас была эпоха Республики, и эти тексты уже не представляли никакой ценности.

Поэтому в Цзянцзине он нашёл нескольких учителей с «прогрессивными» взглядами, чтобы обучать Цзян Шэна.

Цзян Чжунюнь всегда считал, что его старший сын был очень умным, и это действительно было так. Цзян Шэн был невероятно способным.

Ни один из учителей, обучавших Цзян Шэна, не скупился на похвалы, и Цзян Чжунюнь был очень рад слышать их. Хотя он понимал, что, как бы ни развивался Цзян Шэн, управление семьёй Цзян никогда не перейдёт в его руки, связь по крови не позволяла Цзян Чжунюню испытывать неприязнь к сыну. Более того, он осознавал, что действительно был виноват перед Цзян Шэном.

[Перевод и редакция выполнены с учётом предоставленного глоссария и стилистических требований. Все диалоги приведены к единому формату с использованием длинного тире. Технический мусор и ссылки удалены.]

<http://bllate.org/book/16249/1461257>